

ВИКТОР
ШЕНДЕРОВИЧ

Среди щен

*и другие
повести*

СЕРИЯ
«САМОЕ ВРЕМЯ»

Виктор Анатольевич Шендерович

Среди гиен и другие повести

Серия «Самое время!»

2Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67149249
Среди гиен: Время; Москва; 2022
ISBN 9785969122192

Аннотация

Повести Виктора Шендеровича непохожи одна на другую – пронзительная лирика, психологический триллер, эротика, политическая сатира... Скучно вам не будет ни с одной из них. Миновав эстрадную и телевизионную популярность времен «Кукол» и «деревни Гадюкино», писатель занялся своим прямым делом...

Содержание

Среди гиен	8
1	8
2	19
3	26
4	36
Эпилог	38
Повести прежних лет	42
Схевенинген	42
Олег, Оля и Милька	42
Ингрид и Марко	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Виктор Шендерович

Среди гиен и другие повести

Художественное электронное издание

Художник – Валерий Калныныш

© В. А. Шендерович, 2022

© «Время», 2022

* * *

СЕРИЯ
"САМОЕ ВРЕМЯ"

ВИКТОР
ШЕНДЕРОВИЧ

Среди иен

и друге
повести

Среди гиен

Маленькая московская повесть

Это нельзя изменить, но это можно презирать.
Сенека

1

– Смотри, – сказал один из них.

– Ох, ни хера себе, – сказал другой.

– Я, мля, думал, почудилось.

– Ага...

Они сидели на углу Бронных, за правильным столиком на террасе. Кальян тоже был правильный, на дыне с кокосом, и через пару затяжек увиденное Чумаковым растворилось, ушло... Но снаружи раздался голос.

– Это ведь гиена, да?

– А? – Это ведь была гиена?

За соседним столиком сидела телка с лишними губами. Пластика не пришлась ей впору. Чумаков чуть не сказал это, но успел затормозить.

– Гиена.

– Прикольно, – сказала телка.

– Ну, – согласился Чумаков.

– В «Короле Льве» такие были.

– Ага.

Телка пригубила свой просекко, поставила бокал и протянула руку.

– Меня Лианой зовут.

– Очень приятно, – сказал Чумаков, соображая, приятно ему или нет. – Матвей.

Рука была ухоженная. И грудь вроде красивая, и ноги есть. Но лень возиться. Кальян лучше.

– Слышь. Откуда тут гиены? – спросил Гордей. Он не курил уже, а задумчиво смотрел перед собой. – Никогда не было.

– Кстати, да, – согласился Чумаков. – Это Гордей, – сказал он Лиане.

– Лиана, – сказала Лиана.

– Губы не удались, – сказал Гордей.

– Во дурак, – сказала Лиана.

Гордей заржал. Девица отвернулась. Потом повернулась и сказала громко:

– Идиот!

Из-за соседних столиков посмотрели.

– Ну ладно, все! – сказал Матвей Чумаков – им и ей, разом. Два раза он повторять не любил, такой был человек.

– Откуда гиены-то? – повторил Гордей конкретно.

– Че он говорит-то? – истерично крикнула девица, обра-

щаясь к ресторану.

– Завел кто-то, – подумав, сказал Чумаков про гиену. –
Вместо собаки.

– Херовая шутка. А сам где?

– Потерялась, – сказал Чумаков и понял, что сказал ерунду.

– Глобальное потепление, – сказал лысоватый со значком депутата на голубом костюме.

– И что?

– В каком смысле?

– Ну при чем тут.

– Потеплело, они и пришли.

– О-па!

Последнее относилось к гиене. Она прогулялась по Большой Бронной, вернулась и села через дорогу от ресторана, у дома, где жил Святослав Теофилович Рихтер. Ныне, задрвав ногу, тварь тщательно вылизывала гениталии.

– Счастливая, – сказал Гордей. – Во как завелась.

Из ресторанного нутра вышли официанты и пара посетителей. Они рассматривали теперь эту картину – гиену, увлеченную процессом, остолбеневших прохожих и бритого детину-охранника: растопырив руки, тот сооружал обходной маршрут к джипу для своего босса, вышедшего некстати из итальянского ресторана «Академия», что напротив.

Босс был в пижамных полосатых брюках и при девице.

Из-за угла прямо на гиену выкатился маленький чел с ай-

фоном – та коротко огрызнулась, вскочив. Чел взвизгнул, отпрянул и вместе со своей доской воткнулся в каменную грудь охранника.

Официант с зачесом под Рональдо рассмеялся. Лысоватый со значком, не отрываясь от зрелища, поднял руку и пальцем поманил кого-нибудь освежить бокал.

Гордей с Чумаковым курили по соседству и тоже смотрели.

– Не, ну прикинь, – сказал Гордей.

Гиен видели уже на Тишинке и Малой Дмитровке – деловыми подпрыгивающими походочками они трусили мимо притихших мамаш и офигевающих клерков.

В полиции начали звонить телефоны. Звонивших попросили не кричать, поинтересовались, есть ли трупы, и велели позвонить, когда будут.

В тот же день две твари зашли во двор Консерватории и легли в теньке за спиной у Петра Ильича. Было очень жарко, и одна, полежав, пошла на поиски воды. Войдя в «Кофеманию», гиена индифферентно выслушала человеческий крик, потрусилась вглубь помещения и вылакала опрокинутую кем-то с перепугу литровую бутылку «Эвиан» с газом. Прислушалась к ощущениям, подняла хвост, ощутимо пернула и пошла на выход.

Ее товарка по Брему ближе к выходным облюбовала за чем-то парфюмерный бутик в Столешниковом. (Странный

выбор для животного, согласен, но я же не этолог, я только рассказываю, как было.)

Когда гиена пропахла шанелью, а посетители гиеной, менеджмент сделал попытку поговорить с полицией, услышал все то же самое – и погнал тварь своими силами. Здоровенная самка, подпитанная электрошокером, с визгом выскочила вон и скуля поскакала по Петровке, через двойную сплошную, в сторону прокуратуры, под гудение машин и крики людей.

Утром в бутик пришли из Следственного комитета. Старший следователь Порев был костист, мословат и лицо имел треугольное. Были опрошены сотрудники и изъят электрошокер, с менеджера Кузьминой взята подписка о невыезде.

Охранника Янбаева пришедшие увезли с собой, и больше о нем никто не слышал примерно с месяц, да и потом ничего хорошего.

На осторожный вопрос Кузьминой, откуда в Следственном комитете узнали про гиену, старший следователь Порев ответил «от верблюда» и визгливо захохотал.

Поджарые африканские собаки потихоньку осваивались в городе, а по ночам заполняли Москву, предпочитая престижные районы в пределах Садового кольца: пруды, бульвары, элитные кластеры... Передвигались небольшими плотными группами, и один остроумный господин на Пречистенке, проводив взглядом отряд крупных тварей, смешно пошу-

тил, что это похоже на патруль.

Бодрый пятнистый молодняк заигрывал с прохожими, покусывая иногда вполне ощутимо, но обижаться на детей было бы странно. Впрочем, когда у старой актрисы Кузовой в Брюсовом переулке африканские гости затеребили, играючи, насмерть собачку пекинес, общественность среагировала немедленно. По ТВЦ даже рассказали об этом неприятном случае и напомнили: собак надо выгуливать на поводке! Что за правовой нигилизм?

Ночной плач и хохот гиен не добавляли сна ни счастливым обитателям Патриарших прудов, ни славным жителям Сретенки, а впрочем, добавили им немало толерантности – лежа в темноте с открытыми глазами, москвичи размышляли теперь о сложных отношениях природы и цивилизации...

Иногда твари забывали уйти под утро и, пованивая, продолжали валяться всем прайдом поперек тротуаров. Люди обходили их с осторожностью, боясь потревожить покой животных.

Некстати потревоженная гиена могла цапнуть всерьез, и это знали уже все.

Однажды полиция приехала на вызов, потому что тварь таки укусила спросонья дизайнера Петю Штапуру. А кроме гиен и ментов, все в городе знали, что Петя сидит на заказах из администрации. Он так и сказал: вы наведите обо мне справки-то. Полиция навела справки и приехала, хотя трупа еще не было.

Приехавшие попросили Петю описать гиену.

Петя в ответ поинтересовался, не омудели ли они часом. Как можно описать гиену? Старлей полиции внимательно посмотрел Штапуре в глаза и попросил следить за речью, пообещав в следующий раз применить табельное оружие.

Поняв, что старлей не в теме, Петя поставил раздраженный вопрос в более общем плане. Он спросил: что за херня происходит? почему гиены в городе?

В ответ полицейский предложил обращаться с этим вопросом в мэрию, с чем и уехал, предупредив, что дело об укусе – чистый висяк, потому что гиены все на одно лицо и фиг кого опросишь, а у нас правовое государство и презумпция невиновности.

В мэрию про африканскую напасть написали, конечно, многие – и всем писавшим в установленный срок пришли ответы с благодарностью за внимание к проблемам городского благоустройства и рекламой велопроката и каршеринга.

Собаки тем временем переместились всем прайдом на Садовое кольцо, облюбовав километр от дома Чехова до Триумфальной – и город, давно ползавший в пробках, парализовало наконец долгожданным круглосуточным венозным цветом.

Зная мстительный характер гиен, не все водители отваживались им сигналить, – а впрочем, на непрерывный гуд мускулистые твари отвечали завидным спокойствием. Поднимались далеко не с первого раза, уходили нехотя, огрызаясь

и запоминая номера...

Потом по одной гиене все-таки фиганули из травматики, и прайд стала охранять Нацгвардия – и к траурному автомобильному вою над вставшим Садовым кольцом добавился приятный ментовской баритон, напоминавший о необходимости соблюдать порядок.

Оттуда же, из бронированных машин, гиен кормили.

В общем, все было организовано неплохо.

Иногда, конечно, случались накладки. Так, однажды на ночь глядя в районе улицы 1905 года гиены загрызли насмерть гастарбайтера Турсунбекова Алишера Рустамовича, 1983 года рождения, но, по счастью, родственников у него в Москве не было, и обошлось без резонанса.

Хуже, к сожалению, получилось с Подсосенковой Еленой Петровной, 1957 года рождения, которая в субботу поехала с мужем из своего Орехова-Борисова в кинотеатр «Ролан» смотреть девятый фильм Тарантино. Как будто нельзя было найти кинотеатр поближе!

На Чистых прудах за ними увязалась небольшая группа молодняка, чисто поиграть в Африку. Подсосенков-муж пнул одну – он вообще собак не любил. По яйцам попал этой твари и рассмеялся... А у памятника казахскому просветителю Абаю смотрит: сидят поперек бульвара восемь гиен.

И народ, главное, рассосался, потому что понятно же, что не просто так сидят.

Ну, они и уделали его. Руку отсушили, срослась потом

криво. Но хуже всего, что жену, Елену Петровну, загрызли насмерть – как того таджика, только с резонансом. Упала она некстати, так они сразу за горло... Ну, рефлекс, животные, какой спрос...

Пока обложенный гиенами Подсосенков кричал криком, а десятки москвичей хором, как дети на елке, скандировали «По-зор! По-зор!», – гиены всю Елену Петровну и порвали. Хорошо хоть, городские службы потом сработали четко, получаса не пролежала Елена Петровна: тело убрали, пятно темное раствором замыли, лавандой воздух опрыскали – и снова лучший город Земли.

А Подсосенков этот возжелал потом справедливости с ужасной силой, как не местный. Отказался забирать заявление из полиции! Уж ему и так, и сяк, и русским языком объяснили: некстати это и совершенно бесперспективно! А он ни в какую – плачет и стоит на своем. Другой, говорит, жизни у меня теперь нет.

Ну, на нет и суда нет – завели дело на самого Подсосенкова, за жестокое обращение с животными. А зачем он пинал их, зачем в глаза смотрел? Нет, ну правда же.

Они же нервничают, они же страдания испытывают, сколько можно объяснять?

Тут от себя скажу. Просто поразительно, до чего некоторые люди не понимают простых вещей. И сколько в них при этом злобы! Это же как надо Родину не любить, чтобы портить ей по любому поводу имидж и статистику? Правозащит-

ники эти опять-таки, так называемые... Скандалят, Страсбург на помощь зовут... А что Страсбург, когда сам же провоцировал Подсосенков этот!

У нас в городе просто так людей не едят!

Выписали ему потом в суде на Китай-городе для острастки штраф в сто тысяч юаней и отпустили с богом. Судья Уварова, произнося решение, не сдержала гражданских чувств, расхохоталась отрывисто посреди текста...

Подсосенков окаменел и штраф платить отказался, на принцип пошел, – ему тогда квартиру описали, в обеспечение решения. А что делать: закон есть закон!

И повадился тогда этот вредный вдовец, уже бомжом, ходить по Малой Бронной – по самым дорогим нам местам, где настоящие люди отдыхают, а не которые из Орехова-Борисова, да и то в прошлом.

Мимо Матвея с Гордеем ходил, мимо лысоватого со значком. Рукой уцелевшей фотографию жены в лицо людям совал, ужасы рассказывал, аппетит портил. Его сначала добром просили, а потом, конечно, в шею, чтобы не мешал культурно отдыхать.

Так он вернулся назавтра пьяный и сразу зашел с оскорблений. Вы, говорит, с ума тут посходили, гиены вы, а не люди... Слетел с катушек мужик, короче – Антихриста помянуть начал, потом до скреп дошел, до солнцеликого добрался. Тут, конечно, взялись за него по-настоящему, свинтили и в психушку повезли, к шаману на свидание.

Там и теряется покамест след Подсосенкова этого, который на Тарантино в субботу пойти хотел...

2

Буро-пятнистые, физкультурно накачанные особи с мощными челюстями ходили по городу уже месяц. Статистику происшествий они увеличивали не слишком, и Москва жила своей жизнью на зависть другим городам мира. Нежданное африканское соседство не мешало ни выставке экспрессионистов в Пушкинском, ни сезону лисичек в кафе *Virgine* на Покровке. Каршеринг работал исправно, и в метро все время появлялись новые зарядки для гаджетов... Хорошела Москва, с каждым днем хорошела! Порой казалось: уже некуда, ан нет – зубы стиснет и еще похорошеет.

Иногда только какая-нибудь тварь заходила в летнее кафе и испражнялась там с диким запахом, а полдюжины других тварей садились в это время у столиков и внимательно смотрели в глаза посетителям.

Посетители, надо сказать, уже не требовали позвать менеджера, а молча уходили – то ли в Пушкинский музей на экспрессионистов, то ли просто занять свое место у параша. Уходя, они старались не глядеть и друг другу в глаза тоже...

Умение вовремя отвести глаза вдруг оказалось очень востребованным. То же и с обонянием – внезапно пригодилось то, которое похуже. Осмыслив серию нападений на официанток, в ресторане «Март» на Петровке перестали брызгать дезодорантом после ухода гиен.

Менеджер сказал: они, наверное, думают, что нам не нравится их запах...

– А нам нравится? – вспыхнув, спросила юная Анечка Заболотная. Она была горда, причем горда до такой степени, что близкие уже боялись, что это не пройдет и с возрастом.

– Запах как запах, – сухо ответил менеджер. – Не надо их провоцировать!

В умении не провоцировать гиен москвичи добились в то лето потрясающих результатов.

Однажды, например, на Сухаревке обнаружались человеческие останки, прямо у троллейбусной остановки. Причем заметьте себе: и на остановке народу полно, и из троллейбусов смотрят, и службы городские два часа колупались, пока убирали окровавленные кости эти, и гиены рядом сидят хочут... Так поверите ли? – ни слова протеста, никаких эксцессов! Дисциплинированный народ, приятно иметь дело.

Один только гад сфотографировал все это исподтишка и в интернет выложил, но на это у нас прием известный: набежало к нему в ленту своих же, пятнистых-мускулистых – и ну хохотать и лаять! там же и загрызли его.

Еще и аккаунт заблокировали за пропаганду насилия.

Короче, все было неплохо до самой пятницы.

В пятницу, в памятный впоследствии летний вечер, когда дядька-август щедро отдавал накопленное июлем тепло и солнце традиционно валилось в густом тумане куда-то

за Садовое кольцо, – пара гиен зашла на запах в сад «Эрми-таж».

Миновав безо всякого интереса «Новую Оперу», две поджарые пятнистые собаки сразу направились к ресторану у лужайки, где отмечало двадцатилетие пиар-агентство «Иван Калита». Там стояли шатры и готовился шашлык.

Одна тварь занялась ведром сырого мяса у барбекю, а вторая с ходу положила лапы на плечи менеджера Степцовой, только что от этого барбекю отошедшей с бумажной тарелкой, полной шашлыка.

Менеджера обдало горячим дыханием. А она уже успела накатить, и в первую секунду ей показалось, что кто-то домогается ее наконец. Потом Степцова рассмотрела этого счастливица и только тогда заорала.

Степцова и сама не смогла бы сказать, что было отвратительнее в этот момент – красный ли язык с текущей слюной или безумные глаза на скуластой морде. Она, впрочем, еще долго не могла ничего сказать, только орала, пока гиена сметала с асфальта ее шашлык.

А вот с другой гиеной случилось худое: на втором фунте сырого мяса в бок ей вошел раскаленный шампур. Тварь дико завизжала и отскочила, ощерившись. В нее полетели новые горячие шампуры, но уйти от сырого мяса было свыше сил, и она продолжала лезть к ведру, пока на нее не уронили барбекю, полный тлевших угольев. Паленая гиена, жалобно вскрикнув, отбежала – и только тут поняла, как ей плохо.

Шампур достал до сердца.

На неверных лапах она отошла к памятнику итальянскому поэту Данту и там легла. Уже темнело, и темнело в ее глазах, и она захотела отойти подальше от людей, но идти не могла и поползла. Тут ее увидели – и всем мужским коллективом «Ивана Калиты» пришли добивать.

Вторая гиена, будучи самцом, не стал искушать судьбу, а жалобно и прощально хохоча, дернул вон из сада «Эрмитаж» с желудком, полным теплого шашлыка.

Труп гиены лежал у памятника Данту уже пару часов, и вечеринка набирала новые обороты – даже стало веселее, как веселее бывает после выигранной драки. Девушки по очереди целовались с шашлычником, победителем твари, святым георгием этим, и никто из кавалеров не смел им перечить.

Гиены пришли в районе десяти, когда было уже темно. Два десятка пятнистых тварей молча и организованно напали на людей. Побоище шло под хит Стиви Уандера «Isn't she lovely», потом под Леди Гагу, Колтрейна и группу «Рамштайн». Выключить было некому. Все это происходило в двухстах метрах от московского угрозыска.

Полиция приехала через полчаса после карет скорой помощи. К этому времени троим помощь уже не требовалась – навсегда остывая, они лежали в сторонке у фонтана.

Фейсбук бурлил всю ночь, а наутро на улицы Москвы стали выходить люди (впрочем, их было гораздо меньше, чем гневных лайков в фейсбуке)...

Таково уж свойство широт наших – неуютно здесь гражданскому чувству без отмашки начальства! Не то чтобы рабы мы сверху донизу – ты, Гаврилыч, на гвоздях-то спи, а лишнего не наговаривай, – а просто мы тут хотя и прогрессивные, но очень уравновешенные люди! Хлопнуть ладонью по столу способны ого-го как, но время, место и повестку должна все-таки определить администрация, иначе может получиться неловкость.

Вот и на митинг тот людей вышло с гулькин нос – демшиза записная, да провокаторы проплаченные, да балбесы из числа молодежи, которой учиться лень. Я никого не забыл?

ОМОН встретил их со служебными гиенами.

Это зрелище было в ту пору внове для Москвы, ну так что ж? – многое было внове тем летом! А ты не щелкай клювом, тростник мыслящий, и меньше удивляйся! Пока глупый удивляется, умный адаптируется.

На гиенах были ошейники с номерами, и смотрелись они при служивых как влитые. На тех, правда, номерков не было. Зато были шлемы, выучка и давнее желание что-нибудь кому-нибудь поломать.

Наутро князь-наместник призвал горожан к закону и спокойствию. Он посоветовал не поддаваться на провокации тех, кому не по нраву мирная жизнь нашего города. Упомянуты были раскачивание лодки и рыбка в мутной воде.

А потом их светлость говорить перестали, а изволили завывать и залаять. Москвичи немножко прифигели с непривыч-

ки, но скоро все вошло в колею: наместник начал нюхать воздух вокруг себя – и быстро взял западный след. По этому следу пошли и к вечеру вышли на организаторов протестного митинга: трех русофобов из Госдепа, двух педофилов из Парижа, одного еврея из Лондона, одного англичанина откуда же и, на всякий случай, группу датских моджахедов. Тут москвичи выдохнули с облегчением, потому что всех их давно знали поименно.

Полиция тем временем откликнулась на требование усилить меры по охране порядка – и изловила блогера, предложившего убивать гиен вместе с детенышами. Отвесив ему срок полной мерой, судья, от себя лично, попыталась укунить осужденного, но приставы посадили ее на цепь, увели в комнату отдыха и дали полакать воды.

Утром под рекламным туристическим баннером «Вместе в Египет» обнаружилось очередное свежееобъеденное тело. Следственный комитет, будучи в полном составе занят блогерами и моджахедами, разорваться не мог, и до приезда сотрудников тело успело запахнуть.

А впрочем, одним запахом больше, одним меньше – главное было не допустить дестабилизации!

Ее и не допустили. Следователь аккуратно заполнил протоколы за пятерых свидетелей самоубийства и чуть подпрыгивающей походочкой похилился обратно к служебной «тойоте» – правда, последние пять метров уже на четвереньках...

В общем, жизнь потихоньку возвращалась в привычные

берега, когда однажды вечером на улице Фридриха Энгельса
нашли труп служебной гиены с огнестрельным ранением.

О-па.

3

К трупу начали собираться пятнистые собаки.

Скоро они перестали помещаться на пешеходном пяточке, где случилось убийство, заполнили Бауманскую улицу, обсели Спартаковскую... Глаза их горели в ночи. О том, чтобы сигналить этой армии, не было речи – водители в ужасе сдавали назад и разворачивались через двойную.

Вой и лай заполнили августовскую тьму вокруг Елоховского собора, и этот хор не сулил москвичам ничего хорошего.

Африканские собаки коротали ночь у трупа не одни. Пожаловал на улицу Фридриха Энгельса ментовской генерал с лампасами шириной в Нил, привез офицеров и следаков. Приехали из Следственного комитета, приехали из прокуратуры...

Когда все собрались, ментовской генерал, колыхаясь животом, опустился на карачки и поцеловал асфальт перед крупной гиеной, сидевшей мрачнее тучи у ленты ограждения, в кольце самцов-телохранителей. Дело, таким образом, было взято на особый контроль.

Всю ночь горели огни на Петровке и Старой площади. Утром первым делом посадили оппозиционера Лешу – его тут сажали всегда, когда в стране случалось что-нибудь плохое. А вот дальше началось новенькое...

Ну, не то чтобы совсем новенькое – Москва-матушка стрелецкие казни видела и восемнадцатый год, не говоря о двадцатилетии Великого Октября, кровушкой эти просторы не удивишь – но раньше, признаться, обходились без гиен. А тут стали рвать людей прямо на улицах, среди бела дня, просто так.

В глаза только заглядывали, и если человеческие были глаза – набрасывались всей стаей и убивали.

Гиены появлялись внезапно и умело отсекали пешеходов от подъездов. Маршруты облав можно было увидеть издалека – по бегущим в панике москвичам. Только к чему это? Детский сад какой-то. От африканских собак и антилопы не убегают, куда малохольным этим...

ОМОНа при гиенах уже не было – сами приговаривали, сами и приводили в исполнение. Людям оставалось только скандировать свое «по-зор, по-зор!», но уже недолго: гиены начали рвать и тех, кто скандировал. А если кричали из окон, запоминали окна и ждали. Ждать они умели.

Объединенные трупы на мостовых стали частью пейзажа. По такому случаю в Москву прилетели стервятники и сидели теперь на телах, доедая. Все это немного диссонировало с продуманной до мелочей политикой городского дизайнера, но правительство не дремало! Проведен был конкурс креативной социальной рекламы, и москвичи с гораздо большим пониманием начали относиться к видам и запахам саванны.

Трупы на время, а порядок – навсегда!

Некоторые слабонервные все же спрашивали в эти дни (по большей части уже у самих себя): где же гарант нашего счастья? Где солнцеликий?

Вот что значит не смотреть телевизор. Это же первый сюжет был во всех новостях! Солнцеликий, кормя по дороге птиц, перелетел на воздушном шаре в Туву и молится теперь у старца Кужугета за покой россиян и мир во всем мире, особенно на Донбассе.

Так что все под контролем и в соответствии с законом.

Лидеров оппозиции травили теперь гиенами где-то в Подмосковье, каждое утро заставляя извиняться перед каким-то Рамзаном. Вот этого, кстати, никто не понял. Остальное-то поняли вполне – включая то, что убийцу той твари с Фридриха Энгельса никто почему-то не ищет, да и не искал никогда.

Пара умников не сдержались, конечно, вспомнили про поджог какого-то рейхстага – и так этим оскорбили народ, такие моральные страдания ему причинили, что умников сей же час выволокли на Красную площадь и заставили есть гиенье дерьмо в прямом федеральном эфире. Рейтинг был – КВН отдыхает!

А в фейсбуке особого шума и не было, потому что интернет к тому времени отменили, а провайдеров съели.

Улицы похорошевшей Москвы заметно опустели по случаю наступления новой счастливой эры. Прокатные велосипеды стояли невостребованными в своих стойлах, и стало

можно наконец ходить по велодорожкам безо всякого риска для жизни – если, конечно, плотнее опустить глаза и не встречаться ими с глазами правящего прайда.

Через неделю первая волна наведения порядка начала сходить на нет. Гиены рвали людей нечасто: зафиксировав свое право на самосуд, они чуток успокоились, и московские кафе снова начали заполняться народом...

Европейский же город, черт возьми, и какой город! Кухня итальянская и японская, французская и азиатская, элитное обслуживание, лаундж-бары, сигарные комнаты, кальянные комнаты! Твердый класс люкс, мы ли лаунж-баров не видели?

А гиены – ну что гиены... Ну да. Так получилось. Не баррикады же строить посреди такой красоты!

Вы что, хотите, чтобы было, как в Париже?

Нет. Не получилось, как в Париже, и даже не стоило угрожать нам такими крайностями.

В середине сентября по Москве пролетело электрическим разрядом, что на Белорусской загрызли ребенка. Непонятно как, но узнали об этом почему-то сразу и все. Через полдня весь город был в курсе произошедшего, и даже в подробностях – про молодую маму с коляской, Опенушкину Ларису, 1996 года рождения, про стаю гиен, и что они делали с Опенушкиной, и как, визжа, делили потом ребенка...

Глухой гул слышали в тот день многие – как перед земле-

трясением. Как будто в сейсмоопасной зоне стоит красавица Москва, и где-то, очень глубоко, сдвинулись тектонические плиты, и поздняк метаться.

Город загустел в тишине. Прохожие, однако, теперь не отводили глаза друг от друга, а вглядывались в них, словно ища подтверждения чему-то. Они не кричали про позор, они испытывали его.

Гиены, существа чуткие, почувствовали перемену и разом потеряли уверенность. Даже перемещаясь стаей, они откочевывали теперь бочком с человеческой дороги, отводили глаза, подлаивали... Чуюли что-то.

И вдруг...

Вдруг какой-то полубог с Большой Дмитровки, государев авгур, ведавший знаменами, прямо из телевизора заявил о недопустимости насилия над москвичами! Пока москвичи переглядывались, не веря ушам, с отважной инициативой выступила группа небожителей с Охотного Ряда: хотелось бы, сказали они, послушать объяснения министра внутренних дел!

Москвичи охнули и затаились в ожидании дальнейшего.

К вечеру подал в отставку большой начальник с Житной улицы, заявив напоследок, что он русский генерал и не хочет нести ответственность за беспредел оккупационной власти. Так и сказал: оккупационной! И ничего с ним не случилось, если не считать внезапного вступления в КПРФ.

А знаменитый кремлевский интеллектуал, крупнейший

на Старой площади поэт и философ, бросил, можно сказать, вызов мирозданию, посвятив колонку в «Российской газете» ценности человеческой жизни! Причем так тонко, главное, подчеркнул, гад: человеческой...

А уж когда его закадычный дружок из Останкино, гладкая тварь из центрального прайда, порвал в эфире свой знаменитый френч и назвал убийц Опенушкиной преступниками, *невесть откуда пришедемими в наш великий город*, – тут уж всем стало ясно: грядут перемены!

И точно: в понедельник суд отгрынул живыми провайдеров, во вторник Роскомнадзор вернул интернет, а в среду ВЦИОМ зафиксировал резкий скачок оптимизма среди москвичей...

Как в воду глядел этот ВЦИОМ: в четверг с утра в волчий капкан, поставленный на Верхней Радищевской, попала крупная гиена – и москвичи тут же забили ее арматурой, причем в процессе экзекуции оптимизм продолжал расти.

Убивали гиену в открытую, перед кондитерской лавкой «Братья Караваевы», под отчаянный визг невезучей и одобрителные крики зрителей. Полиция не приехала вообще, а беспощадные африканские собаки забыли прийти за мстью, хотя их ждали на Таганке человек сто – и ждали, можно сказать, с нетерпением, не говоря об арматуре.

Казнь гиены, снятая на айфоны, была выложена в Youtube, и рейтинг перекрыл лучшие показатели порно. Министерство охраны окружающей среды, где мышей не ловили и пе-

ремены ветра не почуяли, выступило некстати с решительным протестом в защиту животных, но было поздно: песочные часы перевернулись.

Гиен начали убивать.

В Москве случился в те дни ажиотажный спрос на двустволки и помповые ружья. Хорошо также шли капканы, бейсбольные биты и охотничьи ножи, причем лицензий никто не требовал.

Полиция же просто исчезла куда-то в одночасье, как никогда и не было ее. Исчезла с Таганки и Маросейки, с обеих Никитских, с Трубной, Остоженки и Тверских... Исчезла так же тихо и бесследно, как исчезала она с этих улиц в сорок первом и девяносто третьем – и не раз еще исчезнет, поверьте!

Это же полиция, а не мальчик из рассказа Пантелеева! Это же взрослые люди с хорошо развитой чуйкой. То они ужас, летящий на крыльях ночи, а то – опаньки, и никого нету дома...

Природа, однако, не терпит пустоты – тут же появились на московских улицах другие вооруженные люди. Но эти, можно сказать, были совсем не в форме. Они шли с горящими глазами, ножами и арматурой, колоннами и толпой, с повязками на рукавах... А повязка на рукаве, надо вам знать, автоматически делает властью любое чмо, – за весь мир не поручусь, но в России точно!

Они шли, кто под серпом с молотом, кто под коловра-

том, – и встретились под бронзовым человеком со склоненной головой, и начали мочить друг друга, забыв про гиен.

Общественная жизнь бурлила, не останавливаясь, крупными пузырями. Мало кому известные новые лидеры протеста уже не помещались на трибуне разрешенного митинга, граждане попроще оттягивались своими силами. Гиен убивали теперь во множестве и при участии бывших ментов – прямо там, где удавалось поймать или подстрелить.

Где-то на Яузе нашли гиенье логово и прикончили всех – сначала, из ружей, взрослых собак, а потом, о стену головами, щенков. По приятному совпадению, дело было в воскресенье днем, и зрители спешили к Яузе с детьми.

Смертный визг и праздничное возбуждение заполнили окончательно похорошевший город. На задворках дома Веневитинова в Кривоколенном переулке, где Пушкин читал друзьям «Бориса Годунова», дружинники наткнулись еще на одно логово и опробовали на нем коктейли Молотова с новейшими добавками. Мероприятие имело успех, какой не снился ни одной читке!

Посреди этого стихийного освободительного движения неизвестные выследили и расстреляли из автоматов Калашникова мрачного самца, главу прайда гиен. Чисто на память о целовании асфальта, по понятиям. Есть какие-то вещи...

Неделя завершилась праздничными погромами в посольствах Кении, Танзании и почему-то Мьянмы. Заодно восставший народ прошелся по гастрономам и бутикам – ну,

и из бытовой техники немного, чисто в честь победы разума над животными этими.

Но лучше всех оттянулся старик Теребунькин – так, любя, называли москвичи главного ветерана российского либерализма за его талант потеребунькать их за самое главное. Этот незабываемый человек умел подойти незаметно сзади и потрогать самые нежные струны. Теребунькал он коллективное, отдавая предпочтение бессознательному. Находил у народа эрогенные зоны и доводил до крика в кратчайшие сроки. Сносу ему не было, управы тоже.

Вот и в те исторические дни – не подвел ветеран, порадовал земляков! Сначала шарахнул по Сокольникам военными маршами, да так, что у трех вокзалов было слышно, а потом речь говорить начал. Сначала всех врагов России, не поленившись, перечислил, от поляков мнишковых до пиндосов текущих, а потом до гиен добрался. А уж как до гиен добрался, пена изо рта и пошла.

Тут он сам понял: пора! И знак дал. И видят люди: волокут Теребунькину на палке железной гиену придушенную в жесткаче-ошейнике металлическом. Народ ахнул в предвкушении и не ошибся в надежде своей. К асфальту придавили ту гиену, и старик героический лично, с двух ударов, башку той собаке нерусской размозжил битой.

Телевидение, конечно, снимало, без этого какой смысл.

Труп гиены повезли через всю Москву в открытом лимузине, а Теребунькин, весь в цветах, впереди стоял, чисто Га-

гарин, ручкой москвичам делал. Труп бросили к памятнику маршалу Жукову на Манежной, где любимец народа лично провел молебен во спасение Отечества. Снял банк старик, талант не пропьешь!

К нему подбежал потом один запущенный графоман, просил тут же, у памятника, дать ему прочитав вслух поэму о победе над гиенами, – так Теребунькин его поцеловал, а поэму велел издать за свой счет!

Короче, праздник.

...Обезумевшие гиены двое суток пытались вырваться из города, но удалось это совсем немногим. Их давили машинами и добивали чем придется. Пара дюжин несчастных добрались до МКАДа, где их ждали сотрудники ГИБДД с табельным оружием.

Мало что в своей жизни они делали бесплатно, но мало что и с таким удовольствием.

Засим люди с повязками, пришедшие в зоопарк по душу тамошней гиены, отравили зачем-то леопарда и львицу – и чуть не линчевали сотрудницу, пытавшуюся остановить этот праздник свободы.

В общем, все прошло неплохо.

Через несколько дней жизнь снова начала входить в берега. В город вернулась полиция и занялась либералами.

Ибо вместо того, чтобы вместе со всем народом объединиться вокруг власти, спасшей Россию от африканского нашествия, зарыдать на широком плече администрации и найти нецелованное место на ее бывалой руке, – иуды продолжали требовать отставок и расследований, вбивали клин, бросали тень, катили бочку, сеяли ветер, раскачивали лодку и одновременно при этом пытались удить рыбку в мутной воде. Такие, сука, эквилибристы...

Только втуне все это! На второй день после расстрела последней африканской собаки в телевизоре явился князь-наместник, совершенно неотличимый от человека, и исполнил отличную речь. У нас тут, сказал, не Зимбабве! Приоритет, сказал, закона, а если что – европейские процедуры вплоть до огнеметов, ибо народ хочет стабильности. А на давление, сказал, не поддадимся. Только, сказал, еще хуже вам всем сделаем. И насчет отставки своей сказал совсем конкретно: даже не мечтайте.

На этих финальных словах наместник повернулся, припустил штаны и показал задницу. И все увидели: человеческая задница! не гиенья ни разу!

Это был блестящий ход. В одну секунду сей начальник над

кольцами московскими опроверг все инсинуации и посрамил врагов! ВЦИОМ специально замерил рейтинг до штанов и после: сказали, никакого сравнения.

Оппозиция, конечно, тоже хотела что-нибудь показать по телевизору, – но, во-первых, зададим себе вопрос: кто они такие и кого представляют? А во-вторых, в специзоляторе и телевизора нет, так что не о чем и говорить.

Хорошая, короче, вышла дискуссия, самое то, что надо в наших краях. Заряд оптимизма получил, заднице начальственной порадовался – и за работу! А вот это вот все бесконечное бла-бла-бла... Вы что, хотите как в Париже?

Насчет же ответственности перед народом – выводы из августовской истории с гиенами были сделаны, конечно, самые решительные. Из Тувы на воздушном шаре вернулся в реальность солнцеликий – и сразу последовали серьезные кадровые перестановки!

Глава Следственного комитета был уволен с формулировкой о неполном служебном соответствии, в связи с чем назначен Генеральным прокурором. Генеральный же прокурор – с позором переброшен в МВД, на место ментовского генерала с лампасами шириной в Нил, отправленного в ссылку в думский Комитет по законодательству, бывший глава которого, в свою очередь, возглавил Следственный комитет!

Таким образом в России случилось полное обновление внутренней политики, и солнцеликий опять всех переиграл.

Эпилог

Гиен в Москве больше не было. Иногда даже казалось: не почудилось ли?

Один только умник решил срубить куш на масках с африканскими тварями – их покупали для прикола, пока одного шутника в Кузьминках не завалили из помпового ружья.

А в остальном – к середине октября наладилась в городе вполне человеческая жизнь. Гордей с Матвеем, партнеры по бизнесу и друзья по жизни, вернулись из своих теплых краев – Гордей с Сардинки, Матвей с Лазурки.

Обычно они возвращались чуть раньше, но когда началась вся эта муть с гиенами, решили: нафиг-нафиг – и остались еще на пару недель. Немного стремились, конечно, потому что бизнес был завязан на ментов, а ментов трясло не подетски, но все обошлось. Даже новые контакты появились на Охотном Ряду, запас карман не тянет.

Плюс к тому, лысоватый в голубом костюме, сидевший в тот день за соседним столиком, оказался конкретно из комитета по налогам, а они давно хотели продвинуть одну бумажку на пять лямов. Удачно выбрать столик тоже надо уметь!

Лиана эта (которая ни фига не Лиана, конечно) прокочевала со своими губами по всей Малой Бронной – сама и наживка, и леска, и крючок. Гиены немного подпортили ей се-

зон, но папик, которого должно было хватить до зимы, нашелся и был технично вынут из прикормленной московской заруды, так что все у Лианы оки-доки, не волнуйтесь.

Охранник Ямбаев, сдуру доставший гиену электорошо-кером, неделю потом, сидя в СИЗО, слушал по ночам вой и хохот, в которых чудился ему голос старшего следователя Порева, а потом спятил и завыл сам. Поняв, что толку со спятившего чуть, а урок усвоен, Ямбаева отпустили, легко оштрафовав.

Дизайнер Петя Штапура получил из администрации заказ на новый логотип для зоопарка – и нарисовал им, по приколу, гиену. Чисто посмотреть, что будет. В мэрии сказали, что Петя, конечно, поехал кукухой, но они его все равно любят. Сошлись на марабу, а гиену Петя выложил в инстаграм и собрал десять тысяч лайков и такие комменты, что усохнуть.

Анечка Заболотная уехала в Прагу и работает там тоже официанткой, а учится в универе на психолога. Гордость мешает ей, конечно, и в Праге, но гораздо меньше, чем по месту рождения.

Судья, пытавшаяся покусать осужденного блогера, продолжает работать бубнилкой в Пресненском суде на Зоологической улице. Прошла курс лечения, снята с острой фазы и уже не хохочет, раздавая сроки, да и на гиену после пластики не похожа совсем.

Одна беда – мантию не берет никакая химчистка, пропахла мантия насмерть, воняет тварью. И снять ее не получает-

ся: заело молнию. Так в мантии и приезжает домой, и спать в ней ложится, но не раньше, чем полает и похочет. Дома можно.

А Подсосенкова этого, у которого жену загрызли у Абая, я, поверите ли, видел недавно своими глазами: стоял старик с плакатиком самодельным у дверей администрации, на Китай-городе...

Вид тот еще. Потрясывает его – то ли пьет сильно, то ли дрянью обкормили в дурке. Взглядом прохожих ловит, заговорить пытается. Все хочет, чтобы прочитали они его листок рукописный, как будто другой заботы у людей нет, про чужие беды читать! А он понять того не может и все сует им под нос это свое «требую справедливости».

Одной рукой сует, а другой-то считай и нет. Голова трясется, и брови кустами, как у Льва Толстого, смех.

Менты рядом стояли и не трогали его – видать, привыкли. Или команды не было, не знаю. Я в аптеку на Ильинку шел, потом в магазин, потом встреча еще была какая-то, не помню, обратно шел – уже смеркалось, а он все стоял со своим плакатиком, нарушая общественный порядок и мешая прохождению граждан...

Да и фиг с ним, с калекой, есть о чем говорить-то.

Москва, главное, все хорошеет! Чистый карбункул, а не город. Каршеринг, бутики, авторская кухня, лаундж-бары, лакшери-стайл... До хера всего интересного! И патрули кру-

ГОМ вежливые, человеческие, не едят никого.

Ну, то есть не то чтобы совсем никого... Тут уж как повезет, конечно.

Главное – не смотреть им пристально в глаза, не нервировать.

сентябрь 2019 года

Повести прежних лет

Схевенинген **Повесть**

Петру Вайлю, навсегда

Олег, Оля и Милька

– Боже мой! – сказала мама и крепко сжала Милькину руку. Он споткнулся, пытаясь оглянуться на ходу, но мамина ладонь мягкой шорой встала у щеки, заслонив от ужаса.

– Черт возьми, – пробормотал отец и все-таки обернулся.

Женщина бросалась к идущим вдоль моря, как только что бросилась к ним. Она что-то спрашивала и отмеряла ладонью рост. Это был рост Мильки, чуть-чуть повыше, и хотя Олег видел сына секунду назад, он инстинктивно глянул в его сторону снова.

Милька стоял рядом – в блещущем свете закатного солнца, бившем из-под декоративной тучки, стоял маленький, испуганный, живой. Все было в порядке, и только женщина в темном до колен платье выкрикивала имя своего сына, и

бросалась к людям, идущим вдоль берега, и о чем-то умоляла их, отмеряя в воздухе рост мальчика, которого не было нигде.

Люди останавливались, рывками оглядывали пейзаж, растерянно разводили руками, шли дальше; через несколько шагов снова останавливались, смотрели, качали головами... Но что можно было сделать?

Олег отвернулся.

– Пошли. – Он тихонько провел пальцем по лопатке жены. – Идем.

– Ужас, – сказала Оля через несколько секунд.

Они шли к молу вдоль радостной кромки прибоя, как шли полминуты назад, но мир уже рухнул за их спинами и дышал теперь в затылки смертным холодом.

– Может, еще найдется, – сказал отец маме, и мальчик понял: это было сказано для него.

– Да, может быть, играет где-то с мальчишками, – сказала мама плоским голосом. Ее рука твердо лежала на плече, вводила прочь.

Над молотом, то зависая, то ныряя и выходя из пике, с треском скакал воздушный змей, и мальчишки чеканили мячик. Длинные тени нарезали пляж, на котором не изменилось почти ничего.

Освежив пропотевшее побережье, бриз обернулся бухающим о камни штормом – с убегающей пенкой волны и киношным разлетом брызг в контражуре солнца; бриз выманил

на променад обитателей курортного городка. Сняв туфли и закатав брючины, они вышли пройтись перед ужином, до мола и обратно, догоняя собственные косые тени... Теряя силу, вода омывала лодыжки и уходила в море, легким рощерком меняя сюжеты на песке.

В одну секунду все это стало блестящей оберткой ужаса.

Из воздуха разом выкачали счастье, которым был наполнен этот вечер, – и как глупо и странно было теперь идти к этому молу! Молча упереться в гору камней и побрести назад... Беда легла на берег Схевенингена, и нельзя было сделать вид, что ее нет. Но отец попытался.

– Пойдем в «Пианину», – сказал он. – По соку, да?

«Пианиной» было маленькое кафе «Royal» на улочке за церковью, они ходили туда покупать улитки с изюмом и пить шоколад. Быстро отомкнув ларчик папиной шутки, Милька смеялся в первый раз до коликов и потом всякий раз всхрюкивал, наслаждаясь фокуснической подменой, дурацким женским родом папиной «пианины», окончательно превращавшим короля в толстую тетку...

Но сейчас любимая шутка оцарапала душу: Милька в секунду разгадал папину хитрость.

Отец вышагивал прочь от моря. Сухой песок поскрипывал под ступнями.

– Я сейчас, – услышала Оля, и ее ладонь ощутила пустоту. И током, впрок, пронизал безумный страх оттого, что Милька сам теперь решает, когда выскользнуть из ее руки. И ни-

чего нельзя было сделать с этим, только молиться.

Оля молилась несколько раз в жизни – своими словами прося кого-то, чтобы все было хорошо. В адресата она не верила, но были минуты, когда ничего другого не оставалось.

Мальчик бежал обратно к морю, по пояс в котором, разгребая руками серые массы волн, тяжело ходила женщина. Она звала сына, но имя тонуло в гуле шторма. Толпа на берегу густела, и конная полиция уже спешила неподалеку.

Полицейские что-то кричали женщине в волнах, говорили в рацию, опрашивали зевак. Какой-то серфингист, в черной полуспушенной коже комбинезона, указывал свободной рукой в сторону мола. Женщина в набрякшей одежде вышла из волн и без сил опустилась на линии прибоя. И Олег обмер, потому что узнал ее.

Этим утром они переезжали в другую гостиницу. Милька, грузенный своим рюкзаком, катил мяч по горбатой дорожке вдоль домов – и наткнулся-таки на людей. Женщина, ловко выставив руку, спружинила столкновение.

– Сорри! – крикнул Олег и добавил по другому адресу: – Милька, получишь по шее!

Женщина улыбнулась, растянув кожу на скуластом лице, и показала большой палец: все в порядке. До смешного похожий на нее мальчишка – та же веснушчатая порода, длинная кость и скулы – метнулся вбок и догнал ускокавший мячик. Ловко развернувшись, в одно касание, он отпасовал его Мильке, но тот ударился о столбик ограды и снова уска-

кал прочь. Теперь уже женщина крикнула что-то укоризненное своему сыну, а Олег симметричным движением показал большой палец – и все рассмеялись.

Сейчас, в набухшем водой платье, она сидела на линии прибоя и невидящим взглядом обводила стоящих вокруг. Олег еще раз обшарил взглядом пляж: глаза уже знали, кого искать. Но долговязого мальчишки не было нигде.

Оля молча ткнулась лицом в мужнино плечо.

Милька тоже узнал женщину и стоял теперь, словно окаменев, но чувства разом впечатывали все: огненный порез заката под тучкой, резкий крик чайки, женщину на песке, сморщенный, полоскаемый прибоем подол ее платья, полицейского, буквы на шевроне, равнодушный взгляд коня, повернувшего голову к морю, бурчащий чужим языком звук рации... Новый крик чайки закольцевал растянувшееся мгновение.

– Идем, – услышал он над собою. – Мы не можем помочь, Милька. Не надо смотреть. Идем.

Шторм утих почти мгновенно, и море мерно покачивалось теперь за широкой полосой пляжа. Свет еще разливался по побережью – ровный, прощальный свет.

– Ничего они не вернут, – сказал Олег, вороша вилкой листья салата.

– Ну и черт с ними, – сказала Оля. – Забыли.

– Ага, забыли... – Олег подцепил тушку креветки. – Пять-

сот евро, и день отдыха насмарку!

– Я тебя научу. – Оля отпилила сантиметровый кусочек спаржи. – Берешь плохую мысль, запаковываешь и несешь на почту. И посылаешь. А сам живешь.

– И не вспоминаю про пятьсот евро?

Оля рассмеялась.

– Про пятьсот! – мрачно напомнил Олег и, растопырив пятерню, значительно повел бровями. Он валял дурака, но зол был на самом деле.

Обещанный отель на берегу моря обернулся каморкой с подтекающим унитазом, стойким запахом хлорки и видом на задний двор другого отеля. Прозлившись целый день и дважды поссорившись, они все-таки переехали наутро в другую гостиницу, и злился Олег больше всего на собственную скупость – не надо было заселяться в этот клоповник, не пропал бы день.

– За нас, жадных склеротиков! – Оля приподняла широкий бокал, в котором, как море, покачивалось красное вино, и наклонила его к мужу. Он тоже приподнял бокал и отглотнул немного. Вино было терпким и душистым, и примиряло со всем, что есть.

– Ладно, – сказал он. – Иду на почту, отправляю посылку.

– Вот и отлично.

– Потом возвращаюсь в Москву, иду в агентство и душу эту гадину голыми руками.

– Ну все, хватит!

Мгновенно постарев, как всегда в минуты разлада, Оля теперь отрешенно глядела куда-то вбок. Опять он не уловил перемены ветра в ее душе... Этот ветер менялся без объявления, и все метеослужбы мира не смогли бы тут ничего предсказать.

– Хорошо, тогда убью этого, – Олег кивнул на скрипача. Наглец, обосновавшись между ресторанами, уже полчаса пилил мимо нот и брал измором, не щадя ни один народ, – цыганочка, соли мио, розамунда...

Снять напряжение не удалось. Олег устало выдохнул, бумкнув губами, – и натолкнулся на глаза сына.

Милька сидел в отдалении, кутаясь в куртку. Отдернув взгляд, он принялся ковырять пальцем песчаный холмик перед собою. Олег окликнул его, но Милька словно не расслышал, а только еще тщательнее занялся холмиком.

– Ты не замерз, крыскин? – спросила мама.

Милька молча помотал головой.

– Он у нас не из дерева, – заметил Олег после паузы, и Оля наконец повернула к нему печальные умные глаза.

– В кого бы это?

Запах мяса ударил в ноздри за секунду до того, как у стола возник официант в фирменном черном фартуке и красной косынке.

– Отлично! – воскликнул Олег с преувеличенной радостью в голосе. – Милька, давай к нам!

Но Милька снова помотал головой.

Фигура мальчишки стояла у него перед глазами: как тот паснул мячик и как присел потом, смущенный срезкой, скривив смешную рожицу. И как рассмеялся отец вместе с той женщиной...

А вечером отец уводил их прочь, как будто все это его не касалось. И они с мамой начали обсуждать, идти ли в номер или сразу ужинать, и в какой ресторан, и папа сказал: давай ударим по мясу. И вдруг обнял маму, и ее рука на плече мальчика обмякла. И уже родители шли вдвоем, а Милька брел сзади...

В ресторане они сели так, чтобы Милька оказался спиной к молу, и это тоже было специально. Мама спросила, какой салат он будет, и Милька сказал: мне все равно. Хорошо, сказала мама, возьмем один с креветками, один со спаржей, а там посмотрим, да? Мне все равно, повторил Милька.

А когда папа опять заговорил про эти пятьсот евро, что-то непосильное сдавило Милькино горло. «Я поброжу, ладно?» – сказали его губы. «Только куртку надень».

Он выбрался из-за стола и побрел по песку.

Ослепительная полоса солнца, покачиваясь на волнах, уходила к горизонту. Море, проглотившее мальчика, тоже делало вид, что ничего не случилось. Милька исподволь оглянулся.

Официант в красной косынке, чуть наклонившись, наливал вино в бокал отцу. Жизнь как ни в чем не бывало текла сквозь побережье под ровным светом уходящего солнца; му-

зыконт, отчаянно фальшивя, пилил на скрипке, и смуглый маленький человечек с вязанкой коротких роз бродил вдоль столиков, беря кавалеров на слабо.

Потом подул ветер, принеся с собою запах какой-то травы, прибежал и ткнулся в Милькину шею влажным носом игручий сеттер – и тут же отбежал на окрик хозяина. На сеттера Милька не обиделся – он ведь ничего не знал про утонувшего мальчика...

Солнце погружалось в море, и Мильке вдруг стало страшно, что сейчас совсем стемнеет – как будто, пока был свет, все еще могло закончиться хорошо.

Он знал, что когда-нибудь умрет, но это «когда-нибудь» не имело отношения к тому дню, в котором он просыпался. То, что это может произойти вот так, вдруг, поразило его. А еще поразило, что в мире ничего не изменится. Наяривал круги пестрый воздушный змей, и сеттер носился по пляжу, и все смеялись. И, в сговоре со всеми, папа с мамой чокались бокалами с красным вином...

Милькино сердце отяжелело. Он решил, что не будет с ними ужинать, а когда спросят почему, ответит: не хочу, и никто его не заставит. А потом ляжет в постель голодный и будет гордо молчать, глядя в потолок. И вдруг он увидел, что отец смотрит на него, и испуганно отдернул глаза и начал ковырять пальцем песчаный холмик.

- Милька! – услышал он, но сделал вид, что не услышал.
- Ты не замерз, крыскин? – ласково спросила мама.

И Милька молча помотал головой, стараясь не заплакать.

Черноволосый красавец-официант появился в проходе с дымящимися кусками мяса и, ловко обогнув вошедшую пару, устремился к родителям. А пара, чуть помедлив, выбрала столик. Мужчина отодвинул кресло, она села – и вдруг он склонился к ней, и женщина запрокинула лицо навстречу его губам...

Ингрид и Марко

Она откликнулась на него мгновенно и глубоко – в уличном муравейнике, в кафе, в лифте... Был ли в этот момент в лифте кто-нибудь еще, значения не имело. Он любил проверять свою власть над нею: в самый неподходящий момент мог провести пальцем по полоске плоского живота над джинсами, и готово дело – она закрывала глаза и подавалась к нему.

Он был крупный красивый хищник и мог позволить себе выбирать добычу – это была вторая забава его жизни. Первой была живопись: Марко давно и удачно промышлял на этих просторах. Впрочем, удача – объяснение для простаков; Марко просто *знал*, что будет в цене завтра. В юности он рисовал сам, но вкуса оказалось больше, чем таланта, и в гору его повели работы приятеля. Редкий разгильдяй, тот малевал картинки для блошиного рынка – и Марко первый разглядел в них то, что потом стало «трендом».

Он любил клеить местных студенток и досужих тури-

сток – в галереях, насованных, как соты, в ульи старых амстердамских домов. Любил вылавливать их у полотен, быстро обматывать легчайшей паутиной разговора и уволакивать в свою мастерскую, где, кроме подлинного Магритта и кучи забавного барахла, имелся старый диван, таивший в себе неповторимое умение проламываться посреди процесса, – что придавало штатному коитусу характер неповторимой страсти.

В сущности, это уже давно было привычкой, а не счастьем, но весенний воздух Амстердама брал свое.

В тот день, шарфик на пиджак, он вел по первому апрельскому солнышку две стройные ножки с попкой. К оным прилагался пухлый, громко смеявшийся ротик. Ротик потребовал мохито, и они зашли в бар на Кайзерграхт. Марко взял мохито и обреченно сел рядом. Ротик пил и без умолку щебетал – и Марко вдруг ясно почувствовал, что ничего этого не хочет. Ни ножек, ни попки, ни тем более ротика с щебетом.

А хочет, чтобы эта дура исчезла вместе со своим зеленым пойлом, а рядом с ним за столиком – не этим, выбранным подальше от глаз, а снаружи, над лодкой возле моста, – сидела женщина, которую бы он любил. И чтобы она смотрела на канал, и блики играли на прекрасном лице, а он смотрел бы на нее. И чтобы они молчали, и было хорошо.

Он даже увидел все это в виде холста – канал, велосипеды, прицепленные к ограде, двое за столиком, блики на женском

лице... Пожалуй, это мог быть неизвестный Сислей.

Но Марко никого не любил, и его тоже никто. С тех пор как адвокаты вытащили его, немного контуженного, из-под развалин первого брака, он не позволял никому и близко подходить к той черте, за которой женщина вправе требовать чего-либо, кроме презерватива до и душа после. Ни одна из тех, кто побывал в мастерской, не переступила порог его квартиры. Статус отношений он не подчеркивал, но сохранил в строгости.

– Слушай, – сказал он. – Ты допила?

– Невтерпеж, да? – сказал ротик и громко рассмеялся.

Его губы сложились, чтобы сказать «пошла вон», но он успел отредактировать текст.

– Что-о?

– Пошла вон, – все-таки сказал он.

– Дурак, – сказала хозяйка попки. И всосав с доньшка остаток мохито, с грохотом встала. – Дурак! – объявила она на весь бар. И вышла.

Марко аккуратно допил свой эспрессо, невозмутимо рассмотрел рисунок на чашечке и уместил ее точно во впадинке блюдца. Затем аккуратно протер салфеткой кофейный след и положил салфетку в пепельницу. И только тогда поднял глаза.

На него уже не смотрели. В баре ничего не изменилось – лишь детина у двери оставил в покое игровой автомат и вышел поглядеть вослед ногам с попкой.

И только официантка за стойкой смотрела на Марко во все свои серые глаза. Пойманная с поличным, девушка не отдернула этих теплых глаз, а улыбнулась и развела руками, извиняясь – то ли за собственный внимательный взгляд, то ли, от имени всех баб, за эту дуру... И он усмехнулся и тоже развел руками: мол, бывает.

Тут уже она отвела глаза – и с той же тщательностью, с какой он оттирал кофейное пятно, начала драить пивной кран. А он все смотрел на нее. Потом оставил на столике деньги и вышел. И, выходя, обернулся. Снова пойманная с поличным, официантка рассмеялась и качнула головой.

Марко махнул ей рукой и завернул за угол.

Он прошелся вдоль каналов, радуясь свободе. В мастерской с наслаждением рухнул в продавленное кресло и несколько минут сидел так, осматривая новыми глазами свой сексуальный бункер. Он давно тут не был один – и вдруг рассмеялся, сообразив это. Если перевесить доски с офортами на потолок, подумал Марко, то днем можно будет рассматривать серию прямо из кресла, закинув голову: свет падает правильно...

Он закинул голову и пару минут рассматривал потолок. Обнаружил трещинку в углу. Встал и трещинку рассмотрел. Зашел на кухню, взял с блюда крекер, сжевал его, запил водой из чайника. Постоял немного, вышел из мастерской – и пошел обратно в тот бар.

Она увидела его сразу и замерла с пустой чашкой в руке,

и кипяток несколько секунд бил из аппарата в поддон. Мимо того же крестина у автомата Марко прошел к стойке и, чувствуя лопатками его взгляд, сел и попросил кофе.

– Эспрессо? – спросила она.

– Все равно, – ответил он, и официантка залилась краской и отвернулась.

Тонкий профиль, нежная склоненная шея под мальчишеской стрижкой. Марко опустил голову, чтобы сглотнуть волнение незаметно. Посмотрел на ее пальцы, увидел обручальное кольцо. Девушка поставила кофе и быстро глянула на него внимательными глазами, и Марко подумал: нет, не показалось.

– Дурак вернулся, – сказал он заготовленную фразу.

И она рассмеялась легким смехом и закрыла лицо руками.

Потом, когда они бережно перебирали по минутам тот день, Ингрид говорила: именно в ту секунду она поняла, что пропала. Или – нашлась...

В глазах у незнакомца стояла печаль. Большой, уверенный в себе самец, он прокладывал дорогу к ее нутру совершенно неотвратно, но не было в нем мужского деревянного хамства, от которого Ингрид каменела и переставала быть женщиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.